

Византийской империи.²² Там жили монахи различных национальностей, но мы не можем утверждать, что были и этнически обособленные обители как прибежище для монахов иноземцев. Из свидетельств двух наших агиографических источников следует заключить, что именно там два брата предали себя усиленной литературной работе. О Мефодии автор жития ясно говорит, что он «книгах прилежа», а о книжных занятиях Константина Философа сказано еще определеннее: «Начеть жити и молитву творити безъ пръстаня, тъкмо книгами беседуе». Пребывание на горе Олимп для Константина-Кирилла и Мефодия было временем их литературных занятий в византийской среде. Следует предположить, что именно в этой обители на горе Олимп два брата собрали вокруг себя известное число учеников-славян и там положили начало будущей просветительской и литературной деятельности среди славян. Мы не можем с уверенностью сказать, были ли в этом монастыре монахи славяне, однако известно, что к 850—861 г. Мефодий был поставлен игуменом монастыря Полихрон, в котором насчитывалось более семидесяти монахов²³ и который, можно предполагать с большой долей правдоподобности, находился в окрестностях горы Олимп.²⁴ Каково бы ни было число монахов славян, кроме двух братьев, живших в этом монастыре, мы не преувеличим, если предположим, что именно там находился один из первых центров славянско-византийского общения и сотрудничества в области культуры, игравший ту роль, которую немногим более века позднее могли играть в общении между византийцами и славянами монастыри Святогорского полуострова.

Культурные отношения славян в Византии не могут, разумеется, рассматриваться изолированно от существовавших в то время экономических и торговых связей. Так, известно, что прибывавшие в Византию русские купцы и послы размещались в квартале Святого Маманта, получившем свое название по известной в то время церкви.²⁵ Это нынешний Бешикташ на Босфоре, где под названием «Святой Мамант», кроме церкви, были известны дворец, ипподром, портик, пристань и мост. Из-за недостатка сведений мы не в состоянии восстановить отдельные моменты из истории этого центра общения русских и византийцев. Однако известен факт, что в этом цареградском предместье из славян находились не только русские, но и болгары. Здесь останавливались также и те, кто прибывал в Византию для литературной и просветительской деятельности.

Около 1362 г. в византийскую столицу пришел основоположник болгарского исихазма Феодосий Тырновский. Он был радушно принят своим старым другом тогдашним патриархом Каллистом I (1350—1354, 1355—1363). Сам патриарх в составленном им житии Феодосия Тырновского²⁶ рассказывает о пребывании Феодосия в цареградском мона-

²² Подробности см.: F. Dvornik. Les Légendes..., стр. 210—211.

²³ Балан, стр. 87, 20—23; Лавров, стр. 302.

²⁴ Ср.: F. Dvornik. Les Légendes..., стр. 210—211.

²⁵ Вообще по этому вопросу см.: J. Pargoire. 1) Les Saints Mamas de Constantinople. — Известия Русского археологического института в Константинополе, т. IX. София, 1904, стр. 261—316; 2) Saint-Mamas, le quartier des russes à Constantinople. — Echos d'Orient, t. XI. Paris, 1908, стр. 203—210; R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, стр. 431—432; F. Dvornik. Les Légendes..., стр. 68, М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 158 и сл., 231, 433.

²⁶ В. Н. Златарски. Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Феодосия иже в Тырнове постичьствовашаго. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, XX. София, 1904, стр. 32—33, гл. 26; ср.: П. А. Сырку. К истории исправле-